

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

МОЖЕТ ЛИ «РУССКИЙ НАРОД» БЫТЬ ДИАХРОНИЧЕСКИМ ПЛЕОНАЗМОМ?

Э.Т. ГУТИЕВА

По вопросам происхождения и ранней истории русского народа между учеными нет согласия ни в одном пункте. Остроту не снижает и то, что среди авторов гипотез самые выдающиеся имена русской науки — М.В. Ломоносов, В.О. Ключевский, В.Н. Татищев, Л.Н. Гумилев, А.А. Шахматов. Тот факт, что даже их авторитет не смог склонить чашу весов в какую-либо сторону, говорит о том, что дискуссия не закончена, носит открытый характер, проблема ждет своего решения, возможного при появлении новых исторических, археологических, лингвистических материалов.

Беспрецедентно высокое количество различных теорий «вечного вопроса» (О.Н. Трубачев) относительно этно-, полито-, глотто-генеза русских, в свою очередь, обусловило то, что не менее острой является научная полемика относительно собственно этнонима, т.к. проблема этимологизации слов *Русь*, *Россия* не чисто филологическая, и у вопроса очень широкий исторический контекст.

На сегодняшний день литература / историография этого второго «вечного вопроса» столь обширна, что может грозить введением моратория на продуцирование новых теорий, тем не менее, возможна ревизия и реинтерпретация уже известных данных, изменение фокуса исследования.

Утверждение историка Д.А. Хвольсона о том, что имя «Русь» «было туземным у нас именем и употреблялось уже очень рано в обширнейшем смысле» [1, 256], постараемся наполнить своим содержанием, собственной лингвистической аргументацией. На наш взгляд, *рус-* — это самоназвание, т.е. термин эндогенного происхождения, и предки современных *рус-*ских, *рос-*сиян, кем бы они ни являлись, сами называли себя подобным образом, а со временем название вошло в языки соседних народов.

Данное положение вытекает из семантики предполагаемого этимона, который означает «люди», «мужчины», «народ», как и у большинства известных этнонимов. Примеров подобного идеосемантического развития «так много, что этимологическая ревизия некоторых из этих этнонимов не поколеблет группы в целом» [2, 15]. Хрестоматийность данного явления делает необходимым начинать этимологизацию любого этнонима с проверки его возможной «причастности» к «людям». То, что среди этимонов этнонима «*русский*», количество которых с трудом поддается учету, нет этимона с подобным значением, может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что этот случай — исключение, тем более что отмеченная закономерность не носит характера абсолютной лингвистической

универсалии. Племен, народов, общностей на несколько порядков больше, чем нарицательных существительных с таким значением. Но, с другой стороны, возможно, необходимо по-другому взглянуть на протоформу этнонима.

Хотелось бы начать изложение концепции с пункта, в котором достигнуто наибольшее согласие, вернее, с его отрицания. Общеизвестно, что для построения надежной этимологии принципиальное значение имеет определение более исторической формы. Среди большого числа взаимоисключающих и взаимопротиворечащих этимологических версий наименее дискуссионным признано то, что наиболее близкими к этимону формами являются *рус-* или *рос-*. Главный вопрос обычно вызывает установление возраста и старшинства этих корней. Все ретроспективные конструкции построены на поисках семантически и, главным образом, фонетически возможных протоформ для *рус-* / *рос-*.

На наш взгляд, хронология появления данных форм с различным качеством корневой гласной не принципиальна для собственно происхождения этнонима. Обе формы могли являться следствием генетического полиморфизма и появиться в языке на этапе функционирования уже в качестве эндоэтнонима: так, арабские и персидские авторы всегда употребляли форму «*рус*», а греки и византийцы — «*рос*». Ситуация усугубляется не столько наличием этимологических дублетов с различной огласовкой, сколько значительным количеством вариантов названия при передаче его в различных языках. Ассимиляция этнонима, как и любого заимствованного слова, неизбежно сопровождается изменениями его артикуляционных и акустических параметров, однако в данном случае помимо обычной звуковой субституции, специфичной

для каждого языка, имеет место особое обстоятельство. Во многих языках отмечен инициальный комплекс, предвещающий то, что традиционно считается корневой морфемой *рус-* / *рос-*.

Изоглосса данного явления охватывает практически весь кавказский языковой ареал: кабардинское *urās*, убыхское *warās*, абазинское *urāsw*, абхазское *a-urās*, чеченское *ōrsi*, ингушское *erse*, даргинское *urus*, лезгинское *urus*, аварское *yurus* [3, 126].

Среди тюркских языков обращает на себя внимание башкирское *Урыс* русский, казахское *орыс*, карачаево-балкарское *оруслу*. Исторически таких форм могло быть больше. В северо-тюркских языках (кыпчакско-половецком) этноним имеет форму *urus*. О кыпчаках-половцах, обитавших в южнорусских степях, становится известно в XI-XIV вв., первые упоминания относятся к 1052 г., в период, когда уже зафиксированной и общепринятой является форма *рус-рос*, тогда как в турецком, татарском, азербайджанском, где он значительно более позднего происхождения, этноним имеет форму *-rus* с начальным согласным. Рядом словарей турецкого языка приводятся также устаревшая форма *Urus* (русский) наряду с современной литературной *Rus*. Особенно показателен пример татарского, т.к. если в кыпчакском как его основе был *у-рус*, то, следовательно, в татарском этноним мог быть унаследован от болгарских наречий, для которых не было характерно наращение гласных перед *р*- в заимствованных словах, либо он проникает повторно без посредства тюркских языков, либо, утратив инициальный гласный, уподобляется форме, в которой этот этноним употребляется всеми народами, русским в том числе. Интересно, что в таком случае ни собственно русская, ни татарская формы

не способствовали выравниванию и стандартизации этнонима в остальных языках, сохранивших формы с инициальным лабиальным. Калмыцким языком, представителем алтайской языковой семьи, унаследованы формы *орсин* русский и *Әрәсә* Русь, звуковая форма которых исключает прямое заимствование из восточно-славянских.

Среди европейских языков такие формы отмечены в отдельных не и.е. языках, имеющих сложную историческую судьбу: в баскском Русь — *Errusia*, в венгерском *Oroszorzag*.

Все отмеченные выше формы содержат инициальный гласный, кроме того, если наиболее ранним упоминанием *рус*-ских справедливо считается народ, который назван в этнической номенклатуре обитателей Северного Причерноморья сирийским автором Захарием Ритором в VI веке, то в его «Церковной истории» приведены формы *hros/hrus (eros)* [4], т.о., в начале слова отмечен согласный *h-*. Этот инициальный согласный давно и часто (со времен М.В. Ломоносова) игнорируется, т.о. историческая форма подвергается искажению, оправданному при рассмотрении историогенеза с тем, чтобы избежать разночтений.

Обычно само существование большого числа вариантов этнонима в языках по не-славянскому периметру границы Руси / России не привлекает специального внимания исследователей, а ведь «для этнографии важно знать, как называет данный народ своих соседей» [5, 7], тем более — как практически все соседи называют данный народ. Этот факт традиционно классифицируется как появление протетических звуков в тюркских языках, распространивших такие формы на значительной территории. Однако многочисленность подобных протез, их разнообразие, гео-

графия и достаточно длительный исторический характер позволяют сделать допущение обратного характера.

С нашей точки зрения, данные формы с начальным *we/wi* [wə|yu|u|o|ō|e|ə|h] следует рассматривать не как результат фонетического приращения и появления добавочных звуков, а, напротив, как фиксацию некоего исходного / предшествующего состояния этнонима, который со временем подвергся упрощению в собственном языке. Таким образом, формы *рус-* / *рос-* не следует принимать за точку отсчета, а можно рассматривать как результат фонетического упрощения, афerezы, в ходе которой было утрачено абсолютное начало корня.

Допущение о более историческом характере форм, отраженных в кавказских, тюркских, европейских и осетинском языках можно сделать в рамках принципа большей архаичности периферии [6, 103, 237]. Процессы динамических языковых изменений в центре могут гаситься по мере удаленности от него, и в таких случаях периферийные фонетические формы следует считать более архаичными.

Данная презумпция позволяет возводить этноним к общеиндоевропейскому **weraz/*wiros* «мужчина», «человек» («люди», «народ»). В настоящее время корень является основной номинацией мужчины в языках балтийской (латвийское: *vīrs*, литовское: *výras*) и кельтской (ирландское: *fear*, мэнское: *fer*, гаэльское: *fear*, валлийское: *gŵr*) групп, тогда как в древних языках в значении «муж», «мужчина», «воин», «герой» он отмечен в старопрусском *wijrs*, древнеирландском *fer*, древнефризском *wer*, древнесаксонском *wer*, староголландском *wer*, в древневерхненемецком *wer*, древненорвежском *verr*, готском *wair*, староармянском *շնրհ*, санскрите *vīra*, авесте *vīra*, среднепрсид-

ском *wīr*, согдийском *wyr*, латинском *vir*, умбрийском *ueiro*, тохарском А *wir*.

Таким образом, название могло гипотетически восходить к любому индоевропейскому языку, т.к. практически во всех индоевропейских языках на древних этапах их развития данный корень был представлен, отличался употребительностью и центральностью.

Этноним восстанавливается по, возможно, наиболее древней его форме *уыр-рыс* — *wyr̥ys* | *urus*, сохраненной по настоящее время в осетинском — потомке языка скифов, алан. То, что осетинский язык мог сохранить малоизмененную форму, вытекает из характера языка и особой исторической судьбы его носителей, обусловивших его столь ценные этимологами консервативность и архаичность [7; 8], «по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов» [9, 153]. Особенность роли осетинского в таком случае состоит в том, что это практически единственный индоевропейский язык, имеющий форму с лабиальным инициальным элементом, а также в нем есть и рефлекс данного корня, употребляемого нарицательно.

Впоследствии корень мог подвергаться фонетическим изменениям: начальное **we-/ *wi-* через стадию элизии, слияния смежных гласных, отраженную в диалектной осетинской форме *urus*, а также в некоторых кавказских и тюркских языках, могло быть полностью утрачено:

*weraz/*wihros > *urus > *rus.*

Различия в формах могут отражать различные промежуточные стадии редукции инициального комплекса.

**weraz/*wihros > *erus*

**weraz/*wihros > *hrus.*

Потере инициального огубления в славянских языках могло способство-

вать ударение на втором слоге, так, протоиндоевропейская форма восстанавливается как **wiHrós*. Это обстоятельство является контраргументом для скандинавской теории происхождения этнонима. Известно, что в германских языках, в силу особенностей и характера сильного экспираторного ударения на первый / корневой слог, редукции подвергался исход слова. В осетинском ударение передвигается / удерживается на первом слоге, что могло способствовать сохранению начала слова. Тот факт, что его акцентная парадигма меняется при деривации, может быть отражением прежней акцентной системы. Если в собирательном этнониме *у`ыр-рыс* «русские, русский народ» ударение падает на слог, предшествующий *р-*, то в суффиксально оформленном этнониме единственного числа *уыр`ысаг* «русский» ударным является гласный второго слога.

Основные версии этимологии слова «Русь»

Традиционно гипотезы относительно происхождения этнонима *рус-ские* делятся на скандинавские (более популярные на западе), славянские (предсказуемо предпочтительные в России) и иранские (привлекательные лингвистической аргументацией).

Письменный памятник, особенно ранний, обладая имманентной доказательностью, может сыграть шутку с потомками. И, если в случае Иордана, историка VI века, автора труда «О происхождении и деяниях гетов», который называется — сам себя называет — то готом, то аланом [10], путаница возникает в отношении конкретного исторического лица и свидетельствует об общности исторических судеб двух народов, то в отношении целого народа, возникшего в историческое время, на исторической авансцене, стремительно выдвинувшие-

гося в гегемона истории, потребность в этногенетической теории особенно масштабна, а отсутствие однозначности в интерпретации его происхождения становится вопросом политической и исторической конъюнктуры.

Запутанность вопроса задается еще в «Повести временных лет», и продолжают споры о том, как интерпретировать слова «от тех варягъ, находникъ тех, прозвашася Русь», «дали название», или «от них пошел народ», или вообще отбросить эту версию ввиду значительного разрыва между временем написания и формированием новой общности и языка.

Название бесписьменного народа значительно древнее, чем первые упоминания о нем. Таким образом, наиболее ранние зафиксированные формы могут не отражать исходной формы, т.к. за достаточно продолжительный промежуток времени между возникновением и фиксацией фонетический облик названия мог измениться. Одновременно с изменениями звуковой формы слово могло пережить деэтимологию. Трудно предполагать, что при возникновении этнического названия оно могло быть немотивированным для обозначаемого им народа, но, употребляясь в качестве самоназвания, оно могло перестать употребляться нарицательно. В этой связи может становиться значимым отсутствие в славянских языках вообще и в русском в частности рефлексов индоевропейского корня **weraz/*wihros*, тогда как он, безусловно, классифицируется как общий для индоевропейского лексического фонда. Единственный возможный рефлекс — архаичное *вира*, «денежная пеня за смертоубийство» в пользу князя. Статус этого древнерусского слова вызывает споры, т.к. есть основания полагать его заимствованием из германских, где

weregeld «плата за убитого», денежная компенсация, выплачиваемая его родственникам (Погодин, Миклошич), хотя не исключено его славянское происхождение (И.И. Срезневский).

Первые записи, где упоминается этноним, делались главным образом на греческом языке. Первое документальное упоминание народа *ρος* в Бертинских анналах относится к 839 году. Таким образом, форма *ρос-*, а точнее *Rhos* (метатеза?) может быть отражением фонетического облика, присущего этнониму в IX веке, кроме того, транслитерированная в греческом, она могла подвергнуться трансформациям. То есть «в текст договора изначально было записано название русов на греческом, которое, возможно, отличалось от их самоназвания, но сохранилось в обратном переводе на славянский». Кроме того, известно, что для «древнегреческого характерна утрата гласного звука в начале заимствованных названий, тем более этнических» [5, 20], т.е. искажение, точнее, выпадение инициального гласного при передаче средствами греческой графики могло носить объективный характер и не являлось единичным случаем.

В русско-византийском договоре 912 года, текст которого также являлся переводом с греческого, варяги со скандинавскими именами именуют себя «от рода русского», и, если наша ретроспекция первоначального значения слова имеет основания, данную известную формулу следует интерпретировать «от рода людского», либо «от рода мужского».

Интересно, что попытки растолковать название относятся еще к 1-й половине X века, т.е. практически ко времени первых письменных фиксаций этнонима, среди самых ранних этимологий — *красные, рыжие* [11]. За сле-

дующие столетия накопилось большое количество версий возникновения и распространения названия, существуют разночтения даже внутри каждой группы.

Так, версия о том, что этимолоном является гидроним, скорее разъединяет исследователей, разрабатывающих ее, т.к. каждый раз речь идет о различных объектах. Название может возводиться либо к др.-рус. *Рѣсь*, приток Днепра, либо к *Ра*, древнему названию Волги. Близкой, но не топонимической является версия о *рос-*, в качестве имени нарицательного — река вообще (В. Чивилихин), и обще-славянском **ru-/ *ry-* — «плыть, течь».

Согласие в одном пункте, например, о значении этимона, ведет к различной реконструкции его звуковой формы. Так, возводя значение к физической характеристике народа по цвету волос «русые», «светлые», этимон восстанавливается либо как **ruxs / roxs* [12, 13-29; 13]; либо как **rud- / *rus-, -*rud-sa<=rudŕ* — «русый» [14], характеристика может отличаться незначительно: «черноголовый», «красноволосый» [15]; либо различаться содержательно — «высокорослые»;

Среди предлагаемых этимонов также

- этнохороним;
 - ряд названий общностей, различающихся в зависимости от локализации прародины Руси [16, 159-175];
 - либо общность, имеющая этносоциальное содержание [17, 24-38; 18, 67-70, 89-96, 163-167; 19, 84-87; 20];
 - Reudignii руги, *Rugi (Rugia)*, [20];
 - «hros» [21, 67-90; 22, 23-104; 23, 16-22];
 - нарицательное готское **hrotps* — «слава» [24, 54-55, 430-436; 25, 25-29];
 - зооним «urs» «медведь» с метатезой;
 - латинское «rus» — «деревня».
- Существуют разновидности эпони-

мической версии о Русе, родственнике братьев-прародителей Чеха и Леха, а также бесчисленное количество версий, основанных на народной этимологии

Этноним выводится в большинстве случаев из индоевропейского словарного фонда. Анализируя структуру и сопоставляя с аналогичными названиями в других языках «слову “Русь” приписывали древнеславянские, готские, шведские и даже иранские корни». Обращает на себя внимание употребление присоединительного союза в данном контексте. Если, по мнению автора этого утверждения, «даже» отражает высшую степень исторической неправдоподобности и этимологической невозможности, то это противоречит научным данным аксиоматического характера.

Вне индоевропейского ареала происхождение этнонима прослеживается из финно-угорских языков, а также из семитских — из библейского термина «*pou*» как этнонима, обозначающего северных варваров, известному по Септуагинте в форме «*рос*» [26, 505-520; 27, 44-47].

Фонетические реконструкции также достаточно разнообразны для трехфонемного набора, их отличает та или иная степень звукового подобия:

**ru-/ *ry*
**rud-/ *rus-, -*rud-sa<=rudŕ*
**ruxs/roxs*
**Rugi*
**roŕs*
**-hros*
**Ruotsi*
**hrotps.*

В.И. Абаев полагает, что осетинская форма — *уырысс* — *wyrys|urus* «русские» отражает влияние языка-посредника, «избегающего начального *p-*, т.к. «этноним усвоен не прямо из русского» [3, IV:126].

Однако, как нам представляется, то, что в тюркских и кавказских (кабардинском, абазинском, чеченском, ингушском, даргинском, лезгинском и аварском) языках, так же как и в осетинском, «избегается начальное р-», не является столь однозначным аргументом в пользу опосредованного проникновения этнонима в осетинский язык. Известно, что нет прямой корреляции между собственно языковым развитием и экстралингвистическими факторами, но, тем не менее, заимствование через тюркские языки не совсем увязывается с историческим контекстом, закономерно вызывая вопрос, почему этноним, обозначающий народ, в этногенезе которого аланские племена сыграли существенную роль, с кем долгие времена соседствовали, а языки типологически контактировали, должен был распространиться через внешнее посредство.

Можно привести еще не менее двух обоснований данному факту. Во-первых, все эти языки, восприняв экзоэтноним, могли сохранить его в неизменном виде. Кроме того достаточно определено, и с исторической, и с лингвистической точек зрения, можно интерпретировать этот факт как влияние, которое аланский язык — иранский, предшественник осетинского, — мог оказывать на своих соседей.

Избегание начального *p-* (или, точнее, избегание начального кластера согласных в арабском и тюркских) не строго соблюдалось при ассимиляции заимствованных слов, т.е. не обязательно распространялось на неисконную лексику. Разница фонетического облика слов *Русь, Россия, русский* в различных тюркских языках может быть фактором хронологическим — там, где этноним появляется раньше, представлена более ранняя его форма с начальным *y-*.

Ставить под сомнение тюркское

влияние позволяет и собственно фонетический фактор. Возведение начального *y-* к тюркскому не объясняет слога с начальным лабиальным и дополнительным гласным *yɨ-* в *yɨ-ryssaɯ* «русский» и *yæ-* в *Yæ-ræse* «Россия». Тогда получается, что осетинский не только воспринял тюркскую протезу, но и усложнил, и разнообразил ее:

**rus-* > **urus-* > **w-y-rys-*

**ros-* > **uros-* > **w-æ-ræs-*.

Формально можно считать, что *w* является аллофоном гласного *u*, но следует обратить внимание на то, что в обоих случаях гласный после лабиального глайда разного качества — *y-* / *-æ-*, что можно было бы объяснить регрессивной аккомодацией его под влиянием гласного следующего слога, но подобный фонетический процесс не типичен для осетинских гласных, а данный процесс можно рассматривать в контексте полногласия, присущего восточнославянским языкам (аргумент в пользу автохтонности названия).

Этимологии практически всех остальных осетинских слов с начальным *yap-yɨp-* восходят к историческим формам с таким же инициальным элементом. Более того, и среди слов, начинающихся на *ya-yɨ-*, не отмечено случаев протетических звуков, следовательно, нет оснований считать такое фонетическое начало неисторическим. Это позволяет судить о сохранности и исконности данного звукового комплекса. Т.е. в осетинском тенденция сохранять этот инициал подтверждается примерами, и в самом языке подобного избегания начального *p-* не наблюдается. Тот факт, что примеров тюркских заимствований среди слов на *ya-yɨ-* практически не отмечено, снижает доказательность тезиса о тюркском посредничестве при проникновении этнонима *русские*. Кроме того не применима в данном случае и

закономерность о недопущении стечения согласных в тюркских языках, т.к. в данном случае нет оснований говорить о кластере согласных.

В качестве примера фонетического развития, подобного данному, В.И. Абаевым приводится пример осетинского *wyrym* / *urum*. Ряд обстоятельств не позволяют считать *wyrys* «русский» и *wyrym* «римлянин» примерами параллельного развития. С одной стороны, этноним «римлянин» исторически старше, и в осетинском отмечена более ранняя, унаследованная аланская форма *rujmon*- «римлянин», «монстр» (омонимия? гиперболизация отрицательной коннотации?), появление формы *urum* позволяет считать ее интерференцией тюркских языков, что подтверждает и семантический фактор — *urum* и в турецком, и в осетинском обозначает и «грек», и «римлянин» (но вновь нет уверенности, что это не иранско-тюркский вектор). В первые века новой эры в Риме сложилась пестрая этническая ситуация, когда «греческая речь звучала в столице римской империи чаще, чем латинская». Таким образом, такая полисемия может отражать преходящее состояние, определенный временной отрезок, кроме того, известно об исторической активности аланов на территории Рима в этот период. Следует отметить, что данная форма *urum* зафиксирована в осетинском только в фамильных именах, этимологические судьбы которых, как известно, еще более причудливы, чем у этнонимов, и в свободном употреблении в значении «римлянин» не встречается в языке.

С другой стороны, неясность этимологии самого *ром-/ рим-* (разброс мнений от антропонима, гидронима, названий действий, связанных с водой) оставляет открытым вопрос о возрасте данных осетинских форм, о

времени их появления в языке. В отсутствие надежной этимологии следует иметь в виду приводимую английскими этимологическими словарями гипотезу Такера (Tucker), который, исходя из того факта, что Рим изначально был укреплением на холмах, отвергает версию о происхождении от **sreu*- “flow”, и как наиболее вероятный этимон выдвигает **urobsma* (*urbs, robur*), либо **urosma* “hill” (родственное санскритскому *varsman*- “height, point”, Lithuanian *virsus* “upper”) [28]. Такер приходит к данному выводу без учета осетинских или тюркских форм, которые могли бы стать дополнительным аргументом в его пользу. Таким образом, в рамках данной гипотезы *wy-* | *u-* — это не протеза лабиального элемента в качестве глайда гласного в языке-посреднике, а сохранение исконной формы при заимствовании, как могло быть и в случае этнонима «русский».

С другой стороны, с римлянами и греками контакты предков осетин могли быть опосредованные, спорадические, более ранние, мог быть разрыв между активными контактами в античное время и закреплением экзоэтнонима в языке.

В любом случае, в осетинском сохранены две разновременные формы этнонима «римлянин», попавшие в язык либо прямым заимствованием, либо опосредованно, тогда как форма с начальным *р-* **рус* / **рос* в языке так и не развилась. Это могло произойти:

а) на этапе становления русского народа при интенсивных связях предков современных осетин с предками современных русских; либо

б) под воздействием татарского языка, либо

в) в процессе усиления влияния русского языка в течение последних двух с

половиной столетий, когда укрепились масштабные исторические, политические, культурные связи между двумя народами.

В первом случае современная форма *уырыс* могла бы рассматриваться как результат замещения оригинального названия **рысс/ *русс* тюркской или кавказской формой в отсутствие непосредственного контакта с русскими. Особенно низка вероятность интерференции тюркского с названием Россия *Уарæсе*, которое во всех языках появляется достаточно поздно, по крайней мере позже заметного ухода тюркоязычных народов с исторической авансцены, более того, в них самих современная форма этнонима без инициального глайда. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает резистентность осетинского к ревизии того, что в языке уже существует.

В русском языке можно отметить немногочисленные случаи появления протетических звуков, где протеза является неслоговой: *в-осемь* > *осемь*, а также *в-олк*, *в-ампир*.

Однако у рассматриваемого этнонима алгоритм фонетического развития, на наш взгляд, противоположный приведенным примерам и такой же, как у русского *усы*. Известно, что оно происходит от праславянского **vpsъ*, *psъ*. Рефлексы данного корня в остальных славянских языках обнаруживают больше сходства с этимологом: украинское *вус*, белорусское *вус*, болгарское *вѣс*, словенское *vps* «ус», чешское *vous*, словацкое *fúz*, польское *wąs*, верхне-лужицкое *wusy*, полабское *vps* «борода» [29].

Для иллюстрации подобного метаплазма в этнонимическом контексте можно рассмотреть судьбу другого, не менее известного названия, происхождение которого также является нерешенной этимологической задачей.

Речь об этнониме / топониме *Италия*, первоначально означавшем лишь область на севере полуострова, экспансия которого в целом завершилась в течение I века до н.э. [30, 50]. Одна из наиболее распространенных теорий связывает его происхождение с окским *Viteliú*, “land of young cattle” (латинское *vitulus* «молодой бык», *Umb vitlo* «теленос») [31, 24]. Помимо фонетического подобия между названием и его предполагаемым этимологом аргументом в пользу гипотезы является то, что она находит подтверждение в многочисленных культах быка в различные периоды жизни обитателей Аппенинского полуострова. Не противоречит этой теории и возведение этнонима к имени собственному *Italus* греческим историком Дионисием Галикарнасским [32], т.к. известно, что данный зооним обладал большим ономастическим потенциалом, и в таком случае на один шаг удлиняется деривационная история этнонима.

Для нас важно, что сама возможность утраты инициального элемента подтверждается примерами русского языка и не является сколько-нибудь серьезным препятствием при этимологической ретроспекции этнонима.

О том, что даже в современное время этнонимы, топонимы мигрируют по миру с трансформациями, известно. Изменениям подвержены аллоэтнонимы, претерпевающие фонетическую ассимиляцию в новом для себя языке, но автоэтнонимы могут изменяться даже в собственном языке, что может затруднить их этимологизацию.

Примером наиболее детально задокументированной истории развития можно считать название *англ-ы* | *Angl-es*, начальный гласный которого постепенно видоизменял свое качество *a* > *æ* > *i* вследствие серии фонетических

процессов, затронувших задние гласные английского языка, таким образом, не в самой Англии, а за пределами англоговорящего мира в ряде языков качество гласного сохранилось в более этимологическом виде. В ряду этих языков также русский и осетинский, куда оно могло проникать через посредство европейских языков.

В пользу нашей версии о гиперонимности этимона свидетельствует и историческая многозначность / гиперонимность этнонима. В разных интерпретациях *Русь* — это этническое имя, именование народа, топонимическая единица, название общности людей («гребущие», «пришлый военный коллектив»). Многозначно оно и в качестве собственно этнонима, т.к. *ruotsi* в финском и других языках — «шведы», в саамском, коми-зырянском, удмуртском, остякском, тунгусском, бурятском и т.д. — «восточные славяне, русские». Встает вопрос, какая семантика более историчная: «разве не могли финны достаточно рано, еще до упрощения консонантных групп в праславянском заимствовать у какой-то ветви восточных славян слово Русь (точнее его праформу **roud-si-*), а затем в эпоху варяжской экспансии в славянские земли перенести его на шведов, (иными словами, шведы, пришедшие к финнам со стороны славян, могли получить имя последних) [33, 14-57]. Допущение об этимоне «человек», «люди» снимает вопрос о хронологическом факторе, и многозначность становится естественным результатом его широкой исходной семантики.

Проблемы этимологизации этнонима более чем объективные. Общая неудовлетворенность существующими теориями в том, что не решен ни один из вопросов. По-разному реконструируется семантика и фонетическая форма этимона,

время и место возникновения этнонима, характер его распространения.

В рамках данной гипотезы предлагается лишь по-новому взглянуть на возможный этимон, аргументы в поддержку которого можно суммировать следующим образом:

- обычность идеосемантического развития этнонима или эндоэтнонима «мужчина, человек» < «люди» < «народ» < этноним;
- восстановление протоформы по периферическим формам, возможно, более архаичным;
- сохранение на периферии более первоначальных вариантов из-за разности акцентной парадигмы: так, в осетинском представлены оба — и ямбический, и хореический акцент;
- обилие форм с протезами, различный характер которых требует каждый раз специального объяснения;
- письменная фиксация этнонима могла иметь место на стадии уже состоявшейся деэтимологизации;
- в славянских языках, в частности в русском, не зафиксирован общеиндоевропейский корень **вир*;
- для экспансии этнонима принципиальную роль могло иметь то, что лингвоним *русский язык* образован от этого же корня (известно о роли языка в самоидентификации народа).

Данную гипотезу отличает высокая компромиссность, не позволяющая сузить поиски языка-источника, т.к. этимон мог быть собственно индоевропейским **wiHrós*, протогерманским **weraz*, индо-иранским: **wiHras*, кельтским: **wiros*.

Если осетинская форма *wyrys|urus* является «окаменелостью», то начальный элемент *wy-* отражает не влияние тюркского, а является элементом унаследованной общеиндоевропейской формы, которая законсервировалась в осе-

тинском. В убыхском *wəɾəs* и аварском *yurus* также есть подобные инициальные элементы, что может быть влиянием аланского, либо данные формы отражают независимое сохранение носителями языков этнонима соседнего народа.

Аланский язык мог сам быть посредником, через который форма распространилась в тюркские языки, либо они также сохранили исконный элемент, как и осетинский.

Наша гипотеза построена на апофатическом доказательстве. Осетинский мог сохранить название в более этимологическом виде, следовательно, не в аланско-сарматско-осетинском, равно как и в других кавказских, тюркских и некоторых европейских языках, был приобретен дополнительный звук в инициальной позиции, а остальные языки, русский в том числе, утратили исконный лабиопалатальный аппроксимант.

Допущение того, что осетинская форма *wyr̥ys* | *urus* исторически предшествует и является более этимологической, чем *рус* / *рос*-, позволяет возводить его к протоиндоевропейскому **wiHrós* ("man, freeman"). И тогда *русские* — «люди», «мужчины» — является результатом нормального эгоцентризма самоназваний, и слово прошло по наиболее очевидному и проторенному пути для этнонима, более высоковероятному, чем метафорические переносы и семодвижения. «Русский народ» в таком случае можно рассматривать как такой же диахронический плеоназм, как и «*das Deutsche Volk*».

1. Греков Б.Д. Киевская Русь // Избранные труды. М.-Л. 1944. Т. 2.
2. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: Сборник статей. М., 1970.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 4.
4. The Syriac Chronicle known as that of Zacharion Mitylene. London, 1899.
5. Бзаев К.К. Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ, 1995.
6. Трубочев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1.
7. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
8. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор.
9. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
10. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
11. Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 1844 году. URL: <http://www.ulfdalir.narod.ru/literature/articles/seville.htm>
12. Трубочев О.Н. К истокам Руси (Наблюдения лингвиста). М., 1997.
13. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 1996.
14. Иловайский Д.И. Становление Руси: история России. М., 1996.
15. Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1962.
16. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.
17. Древнейшие государства на территории СССР. М., 1982.
18. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX-X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24-38.
19. Куник А.А. Примечания к кн.: Дорн Б. Каспий, о походах древних русских на Табаристан // Зап. имп. Академии наук. 1875. Т. 26. Кн. 1.
20. Томсен В. Начало Русского государства. М., 1890.
21. Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основа-

- нии сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1982. С. 159-175.
22. Рыбаков Б.А. «Рождение Руси». М., 2003.
23. Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
24. Куник А.А. Примечания к кн.: Дорн Б. Каспий, о походах древних русских на Табаристан // Зап. имп. Академии наук. 1875. Т. 26. Кн. 1.
25. Источники по древнейшей истории русской государственности. URL: <http://midday.narod.ru/01.htm>
26. Флоровский А. «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38-39): (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь Н. Златарски. София, 1925.
27. Роспонд С. Miscellanea onomastica Rossica. III. Несколько замечаний о названии «русь» // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.
28. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=Italy>
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV.
30. Pallottino M. History of Earliest Italy, trans. Ryle M. & Soper K. in Jerome Lectures, Seventeenth Series. Michigan, 1991.
31. Mallory J.P., Adams D.Q. Encyclopedia of Indo-European Culture. London. 1997.
32. Dionysius of Halicarnassus, Roman Antiquities, 1.35. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Dionysius_of_Halicarnassus/4A*.html
33. Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANIEKION. М., 2006. С. 14-56.